

Идея государственности и права в древнетюркских рунических памятниках

Жетписбаева Б. А.

Аңдатпа

Мақалада ежелгі түркі мемлекетінің басқару және құқықтық коммуникацияларының ерекшеліктері, әлеуметтік-саясаттық жүйедегі қағанның ролі қарастырылады. Ежелгі түркі ескерткіштері негізінде түркі елдерінің күшті және қуатты мемлекетін қамтамасыз ету идеясы зерттеледі.

Аннотация

В статье рассматривается специфика управления и правовых коммуникаций, роль кагана в социально-политической системе древнетюркских государств. На основе анализа древнетюркских памятников раскрывается ведущая идея той эпохи – создание сильного и могущественного государства тюркских народов.

Abstract

The paper looks into the peculiarity of management and legal communications, the role of a Kahan in socio-political system of ancient Turkic states. Drawing on the analysis of ancient Turkic monuments, there is an underlying idea of that age – creation of a strong and mighty state of Turkic nations.

VI в. н. э. ознаменовался в степном регионе Азии грандиозным событием: произошла консолидация тюркских народов в единое государственное образование, был создан первый Тюркский каганат – Тюркский Эль, простершийся от Ледовитого океана на севере до Персии на юге, от Хуанхэ на востоке до Дуная – на западе. Позднее в результате распада каганата на его территории функционировали Восточно-тюркский, Западно-тюркский, Тюркешский, Уйгурский каганаты, которые затем сменил ряд новых государств: енисейских кыргызов, карлуков, кимаков, приаральских огузов (гузов). Затем к гегемонии в Степи пришли кипчаки, и ее стали называть Дешт-и-кипчак – Страной кипчаков.

Первым основателем Тюркского каганата (каганат по-тюркски – империя, держава) является Бумын-каган (Тумын), представитель династийного рода Ашина, и датой основания тюркской империи считается 551 год. Однако группа тюркоязычных племен во главе с Асянь-шадом и великими ябгу Туу и Бумын уже с 460 года в предгорьях Южного Алтая начала проводить политику независимого существования, опираясь на традиции предшествовавшей Хуннской империи. Объединившись с огузскими племенами теле, Бумын нанес сокрушительный удар по жуань-жуаням (или жужаням – монголо- или тюркоязычным племенам), под властью которых тюрки находились довольно длительное время – в течение трех веков. Формальным поводом для войны послужил отказ жуань-жуаньского кагана Анахуаня выдать дочь за своего вассала Бумыня, вождя тюрков Ашина. Анахуань был оскорблен дерзкой просьбой своего данника, плавильщика железа (тюрки в то время занимались добычей и плавкой железа, изготовлением оружия и выплачивали дань жуань-жуаням) и не принял в расчет его нарастающее усиление. В ответ Бумын, сочтя свои руки развязанными и командуя к тому времени профессионально обученной армией, наносит поражение сюзерену. Жуань-жуане бегут в Корею, Северный Китай, часть уходит на запад, получив тем самым новое имя – авары («ауары»), что по-тюркски означает «переселенцы». В 551 году Бумын принимает титул императора, тюрки Ашина занимают в государстве господствующее положение. Так, в Северной Монголии возникает Тюркский каганат, просуществовавший два века – с 551 года по 744 год. В 552 году, после смерти Бумына, трон переходит к его сыну Кара Иссык-кагану, пережившему отца всего на полгода.

В 553–562 годах каганатом правит Муган-каган, который, согласно китайским информаторам, «привел в трепет все владения, лежащие за границей (Великой Стеной). С востока от Корейского залива на запад до западного моря (Каспия) до десяти тысяч ли, с юга от Песчаной степи (пустыни Алашань и Гоби) на север до Северного моря (Байкал) от пяти до шести тысяч ли, все сие пространство земель находилось под его державой. Он сделался соперником Срединному царству» [1, с. 228], вернее же, это царство – Северное Ци и Северное Чжоу, китайские государства – он превратил в своих данников, а Тюркское объединение – в Каганат, в империю. Могущество Тюркского каганата возросло при его наследнике Таспар-кагане (572–581 гг.).

Касаясь термина «тюрк», известный ученый С. Г. Кляшторный пишет: «Во второй половине VI века термин «тюрк» впервые фиксируется источниками и получает широкое распространение. Согдийцы передавали его как турк, согдийское множественное число – туркут (согласно Бугутской надписи 582–583 гг., найденной в Монголии – Б. Ж.), тюрки. Согдийскую форму (во множественном числе) заимствовали китайцы (туцзюе – тюркют), так как первоначально дипломатические и письменные сношения между тюрками и Китаем осуществлялись при посредстве согдийцев и согдийского письма. Вслед за тем термин тюрк фиксируется византийцами, арабами, сирийцами, попадает в санскрит, различные иранские языки, в тибетский.

До создания каганата слово «тюрк» означало лишь союз десяти (позднее двенадцати) племен, сложившийся вскоре после 460 года на Алтае. Это значение сохранялось термином и в эпоху каганатов. Оно отражено древнейшими тюркскими текстами в выражении «тюрк бодун»; слово «бодун» как раз и означает совокупность, союз племен (из «бод» – «племя»), народ, состоящий из отдельных племен. Еще в середине VIII века источники упоминают «двенадцатиплеменный тюркский народ». Этим же словом обозначено и государство, созданное собственно тюркским племенным союзом, – Тюрк эль» [1, с. 78–79].

По некоторым предположениям, термин тюрк первоначально имел более узкую семантику, означая «сильный», «мощный», затем он послужил номинацией привилегированного слоя тюркских племен и лишь позднее обрел широкий смысл: «стал обозначать принадлежность различных кочевых племен к державе, созданной тюрками. Так его употребляли византийцы и иранцы, а иногда и сами тюрки.

Последнее значение термина получило дальнейшее развитие у арабских историков и географов в IX–XI веках, где слово турк появляется как название группы народов и языков, а не как название какого-либо одного народа или государства... Именно в арабской научной литературе возникло общее понятие о генетическом родстве языков, на которых говорили тюркские племена, и генеалогическом родстве самих этих племен» [1, с. 79].

Таким образом, на протяжении первого тысячелетия нашей эры огромная территория планеты была населена тюркскими народами, объединенными в высокоразвитые государственные державы. Как писал в изумлении известный китайский летописец Сюань Цзань, в какую сторону не ступишь, всюду тюрки. Поэтому исследователи вполне оправданно назвали этот период древнетюркской эпохой.

Начиная со второй половины VI века, Тюркский каганат активно включился в систему политического и культурного сосуществования с прилегающими странами, наладив отношения с Византией, Сасанидским Ираном, Китаем, контролируя торговые связи на Великом Шелковом Пути. Но в силу страшного голода (джута) 581–583 годов в степи и начавшейся междоусобицы, активно поддержанной Китаем, каганат подвергся острейшему кризису, приведшему его в 630 году к окончательному распаду на восточную (центрально-азиатскую) и западную (средне-азиатскую) части.

Западную территорию Тюркского каганата в свое время возглавил брат и сподвижник Бумын-кагана Истеми (553–576 гг.), носивший традиционный для западной ветви династии Ашина титул ябгу-каган (ябгу – военный титул, каган – правитель). В его подчинении находился «десятистрельный племенной союз», т. е. союз из десяти стрел, племен (пять племен дулу и пять племен нушиби) – он ок бодун. В византийских хрониках Истеми упоминается как покоритель «семи частей света». И вообще миру он был широко известен как крупный государственный деятель, что подтверждают исторические сочинения различных народов, в которых его имя звучит: по-китайски – Ши-де-ми, по-гречески – Стемвис, по-арабски – Синджибу, в византийских документах – Дизавул или Сильзибул. Истеми-каган заложил основы западного каганата, развитые каганами Шегуй (610–618 гг.) и Тон-ябгу (618–630 гг.), при которых тюркская территориальная экспансия достигла наивысочайшей точки. Неслучайно поэтому время правления Тон-ябгу китайский хронист охарактеризовал так: «Никогда еще западные варвары не были столь могущественны». Но в конце VII века каганат распадается и на его месте возникает новое государственное объединение – Тюркешский каганат, возглавляемый вождем тюркешей Уч-элигом.

Если судьба Западно-тюркского каганата после раскола Тюркского каганата сложилась относительно благополучно и он не утратил суверенитета, то Восточно-тюркский каганат на более чем полстолетия окажется под игом китайской империи. И только в 679–687 годах восточным тюркам удастся восстановить свое государство. «Первым каганом стал Кутлуг, принявший титул Эльтериш-каган. Его ближайшим помощником и советником был Тоньюкук, запечатлевший свои деяния на каменной стеле древнетюркским руническим письмом. Центр каганата находился в Отюкене (Хангайские горы), а его западной границей уже при Эльтерише был Алтай. В 691 году после смерти Эльтериша на престол сел его брат Капаган-каган (691–716 гг.), при котором отмечен наивысший подъем военно-политического могущества второго Восточно-тюркского каганата» [1, с. 98–99]. Но правление Капаган-кагана имело и негативную для тюрков сторону – его жестокость и деспотизм. Вследствие восстания огузов в каганате возник кризис власти, который был ликвидирован сыновьями Эльтериша – Бильге-каганом и его младшим братом Кюль-тегином. О «бурной истории» второго тюркского каганата, вернее, Восточно-тюркского, ярко и образно рассказывают стелы с руническими надписями, воздвигнутые в честь братьев и в честь их советника Тоньюкука (Тоньюка). Каганат был разрушен в результате междоусобиц и к власти после упорной борьбы с племенами-победителями пришли уйгуры, образовавшие Уйгурский каганат, который, просуществовав около века, пал под ударами кыргызских племен. В последующем ряд тюркских племен, некогда основавших Тюркский каганат, войдут в состав государства Караханидов.

Такова вкратце история тюркских народов, живших в I тысячелетии нашей эры. Несмотря на бесконечные войны, тюрки создали свою государственность, явив миру достойнейшие формы организации внешней и внутренней политики, профессиональной армии, дипломатической деятельности, образцы письменной культуры и культуры быта, так «восхитившей дипломатов Запада и Востока». Они строили города (известно более десятка городов, воздвигнутых во время функционирования Тюркского каганата), чеканили монеты, развивали различные аспекты культурной самоидентификации: искусство, литературу, поэзию, архитектуру и т. д. Как верно замечено, «древнетюркские каганаты и их продолжатели – это истоки тюркской и казахской государственности. Этот период характеризуется экономическим расцветом, политическим могуществом и блестящими образцами государственного строительства и правотворчества тюрков центрально-азиатского региона, что оказало многостороннее влияние на весь последующий ход истории целого ряда государств на территории современного Казахстана и сопредельных регионов» [2, с. 4].

О том, что тюрки, строя свои государства, формировали и совершенствовали институты государственного управления и политико-правовые коммуникации, свидетельствуют многие дошедшие до наших дней историко-культурные артефакты, сочинения путешественников, ученых, дипломатов прошлых эпох, целый пласт научных исследований. Но самыми плодотворными и неоспоримыми свидетельствами этого факта являются древнетюркские рунические памятники, особенно те из них, что были позднее классифицированы исследователями в качестве историко-героических поэм, то есть художественных произведений.

Между тем, руническое письмо, названное китайцами «поперечным», имело статус государственной письменности на территории второго Тюркского каганата. Это письмо слоговое и по внешнему виду напоминает германские руны, в силу этого сходства оно и было названо руническим. Именно руническими письменами высечены сохранившиеся до наших дней литературные памятники древних тюрков, относимые учеными к разряду художественных шедевров. Но первым по времени эпиграфическим памятником, дошедшим до нас, является знаменитая Бугутская стела 582–583 годов, периода существования первого Тюркского каганата. В тексте этого памятника, выбитого согдийским письмом и очень плохо сохранившегося, ученые обнаружили слово «тюрк» и имя Таспар-кагана. Этноним «тюрк» здесь воспроизведен в форме согдоязычного множественного числа «türküt», которую китайские историографы транскрибировали как «туцзюэ», а современным ученым это написание позволило назвать население каганата тюркютами, в то время как за господствующей прослойкой второго Тюркского каганата закрепилось их самоопределение – «голубые тюрки» («көк түрк»). Открытие Бугутской стелы знаменательно также и тем, что ее навершие украшает барельефное изображение волчицы с человеческой фигуркой без рук и ног у ее брюха. Мифическое обоснование происхождения тюрков Ашина из союза волчицы и изуродованного врагами мальчика, скрепленное визуально на «вечном камне», тем самым, очевидно, имело признание и в официальной форме.

Художественными считаются те рунические памятники, которые найдены на территории Северной Монголии, в бассейнах рек Орхона, Толы и Селенги и потому названные орхонскими. К ним относятся Кошо-Цайдамские стелы – памятник Кюль-тегина и надписи в честь Могилян-хана (Бильге-кагана) и Тоньюкука. Как произведения письменной литературы, эти поэмы маркируются именами авторов, то есть имеют своих авторов. Так, доподлинно известно, что малую надпись памятника Кюль-тегина и «Надпись в честь Бильге-кагана» написал наследный принц Йоллыг-тегин, который сам свидетельствует о том в названных произведениях. Автором «Надписи в честь Тоньюкука», по всей вероятности, является главный герой памятника – Тоньюкук, советник кагана. Проанализируем «Памятник Кюль-тегина» как наиболее репрезентативный в плане рассматриваемой нами темы.

«Памятник Кюль-тегина» состоит из двух надписей – малой (КТм), включающей 13 рунических строк, и большой (КТб) – из 53 рунических строк. КТм предваряет КТб и по своему содержанию представляет политическую программу, основанную на идеологии укрепления тюркского могущества. Проводником, рупором данной идеологии является каган – высшее руководящее лицо государства, император. Он обращается к сподвижникам, народу, к своим подданным и нет тени сомнения в том, что тюрки поймут, прочтут его слово. Каган уверен в этом, и его уверенность продиктована жизненным опытом и знанием менталитета своего народа, знанием геополитического состояния прилегающих стран и народов. Как политик высшего уровня и носитель изощренного государственного мышления, он мыслит мудро и действует тонко. Он охвачен беспокойством, но не о собственном благополучии, а о благополучии подданных.

Призывы, помыслы, слова, действия кагана – свидетельство того, что ему ведомы высшие формы и категории нравственности и морали. Он движим чувством долга, ответственностью перед народом, которые налагает на него высокий сан. Он хорошо образован, в его компетен-

ции – малейшие политические изменения, происходящие в мире окружающего его социума. Обоснован он и в своих упреках, адресованных подданным. Упрекая народ в непослушании, он провидит вызванные неподчинением дезорганизацию и хаос, чреватые гибельными для тюрков последствиями. Ступень за ступенью для большей убедительности разворачивает он причины и следствия неразумных поступков своего народа: непослушание кагану, сближение с чуждым народом табгач (табгачи – так тюрки называли китайцев, по сути это «окитаенные» тюрки), пренебрежение родным краем... Но только при условии послушания, т. е. взаимопонимания и взаимоподдержки, мыслит каган, возможна реализация главной стратегической линии его программы: приумножить народ, укрепить его благосостояние; малочисленный народ превратить в многочисленный; бедный, неимущий народ – в сытый, богатый, благоденствующий. В воплощении именно этой задачи видит свой долг и свое призвание каган – рожденный и благословенный самим Тенгри.

КТм содержит информацию о границах Тюркского каганата и его территории, довольно обширной, о структуре и стратификации общества, титулатуре тюркской знати, где главенствуют ашинаиды. Эта информация, переданная устами кагана, в принципе нивелирует утверждения о том, что у тюрков отсутствовали формы государственного обустройства своей ойкумены. К тому же постоянная апелляция к народу, обращенность к нему с письменным словом говорит о том, что тюрки в основе своей – от представителей знати до черни – были грамотны, письменность была у них в ходу – и это тоже неотъемлемый знак идеи тюркской государственности.

В обеих надписях лейтмотивом проходит тема родины, центра, куда стягиваются все политические, военные, социальные, культурные интересы тюркских лидеров и народа. В связи с этим обращают на себя внимание частые упоминания о «стране, пригодной для созидания вечного племенного союза», стране, где тюркский народ не знает «никакого горя» – Отыюкенской черни. В немалой степени все беды тюрков проистекают из легкомысленного отношения родному краю, который они могут, не ценя, покинуть, забыть, предпочтя чужое, инородное. Судя по всему, Отыюкенская чернь – страна спокойствия и изобилия, золотая колыбель тюрков. Но тюркам свойственно заблуждаться, как и всем смертным, свойственно искать нечто лучшее. Чужой мир манит их своим комфортом, красотой, надежностью, но по достижении все это оборачивается теневой стороной, горем. Погоня за призрачным счастьем и достатком может привести к печальному исходу: народ, разъединяясь, теряет сплоченность и в конце концов гибнет. В Отыюкенской черни подобный оборот жизни невозможен. Эта страна дорога сердцу кагана, ибо только здесь, на родине, он может «творить Добро» во имя родного народа.

Отюкенская чернь по ассоциации воспринимается в качестве прообраза земли обетованной, которую пытались найти лучшие представители человечества. Отюкенская земля есть архетип Города Солнца. Идея создания, построения идеального города овладевала некогда умами гениальных мыслителей и поэтов – аль-Фараби, Фирдоуси, Ю. Баласагуни, Низами, Навои, Т. Мора, Т. Кампанеллы и др. В зародыше данная идея, как видно, жила уже в сознании древнетюркского поэта – в лице светлой мечты, вечной надежды. С этой идеей перекликаются и казахские утопические легенды о Жер Уюке – земле благоденствия, где даже «жаворонок вьет гнездо на пушистой спине барана». Поискам Жер Уюк, гласят легенды, посвятил значительную часть своей жизни великий казахский поэт-жырау Асан Кайгы (XV в.).

Между тем идейная проблематика, затронутая в КТм, находит логическое продолжение в «Большой надписи в честь Кюль-тегина». Как бы в продолжение идейно-тематической линии КТм, в большой надписи с первого же цикла актуализируется тема места и роли кагана в парадигматике государственного устройства и управления. Изображаются два типа каганов:

первый – положительный, идеализированный, второй – отрицательный, вобравший в себя все недостатки бездарного лидера. В роли первого типажа проходит череда каганов: Бумын и Истеми, знаменитые предки, основатели первого Тюркского каганата, отец Бильге-кагана – Ильтериш (Эльтериш) и дядя – Капаган-каган, наконец, сам Бильге-каган. Персонажи не вымышлены автором, это исторические личности, прожившие жизнь в ореоле славы, снискавшие почет и уважение самоотверженным служением отчизне. С именами Бумын-кагана и Истеми-кагана связана далекая история тюрков, воспоминания о героическом прошлом, о могучем Тюркском каганате, создание которого потребовало от каганов и народа колоссального напряжения силы и воли, энергии и труда. Кровью и потом создавалась империя тюрков, в окружении безжалостных врагов, в яростной борьбе с ними:

Мир с четырех углов врагами полон был,
Тогда Бумын-каган и Истеми-каган
Пошли войной на всех, кто тюркам жить мешал,
И покорили всех, и усмирили всех.
Кто голову имел – заставили склонить,
Колени кто имел – заставили согнуть...

В эту эпоху народ возглавляли идеальные правители. Рисую их образы, автор использует соответствующей тональности эпитеты: «отважный», «мудрый»:

Отважнейший каган отважного сменял,
Мудрейший принимал от мудрого свой трон,
И те, кто доводил законы до людей,
Все были как один отважны и мудры...

Каган как глава государства, по мысли автора, должен обладать двумя важнейшими качествами – отвагой и мудростью, силой и умом. Каган, в котором отвага упрочена мудростью, а мудрость усилена отвагой, – подлинный лидер. Лидеру, сочетающему эти качества, подчинится народ, с готовностью последует за ним, будет предан, верен ему до конца. Результатом подобного единения – народа и лидера – явилось создание первого Тюркского каганата:

Все беки, весь народ правителям верны,
Хранили свой уклад – крепили каганат.
Каганы, отходя в мир мертвых, всем живым
Старались завещать устроенную жизнь.

Кончина правителей каганата будоражила весь подлунный мир, к погребению их, «оплакать и почтить» сходились посланники всех близких и далеких стран: так велик был авторитет тюркской державы и ее лидеров. В изображении далекой старины автор патетичен, нескрываемая гордость звучит в его словах. Но история тюркского народа не всегда слагалась столь безупречно и благополучно. Могучий Тюркский каганат затем был сломлен, разъединен. И кто же виной тому? Ответом на этот вопрос служит второй раздел надписи, посвященный описанию покорения тюрков Китаем. Здесь раскрывается второй тип каганов, являвших собой полную противоположность первым, – каганов, лишенных и мудрости, и отваги. Характеристика этих каганов дана посредством негативно окрашенных выразительных средств, она вполне исчерпывающая:

Негоднейший каган негодного сменял,
Безумный принимал у глупого свой трон.
И те, кто доводил законы до людей,
Все были как один слабы и неумны.

Антитеза: отважный и мудрый – слабый и неумный достигает в этом разделе своего апогея. Негативное звено антитезы начинает играть в повествовании решающую роль. Политика слабых и неумных каганов, утративших уважение народа, привела к потере независимости, могущества, к рабскому существованию, продлившемуся полвека, пятьдесят лет:

Табгачам удалось так тюрков расслоить
Что стал каган никем, и стал народ ничем:
Мужским потомством он табгачам стал рабом,
М женским – о печаль! – врагам рабыней стал.
Знать тюркская, предав народ свой и себя,
Забыла имена и титулы свои,
Но у табгачей взяв их имена взаимы,
Полвека им была, как верная слуга.

Автор с болью повествует о всеобщей деморализации тюрков, о их покорении китайцами. Но он не может не напомнить о былом величии тюрков, о их могучем воинском духе, ведшем их к блистательным победам. Не удержавшись, он восклицает:

А ведь ходили же войною на восход –
К беклийцам, и к Темир-Капыгу – на закат!

Но движение истории, прервавшись на мгновение эмоциональным взрывом автора, вновь выправляет свое русло. Тюрки покорны, полвека они уже на коленях. Беспросветная рабская доля их мучит, они ропщут, раздумывают, рефлексиируют. Используя прямую речь, автор вкладывает в их уста слова, вопрошающие и недоумевающие:

«Ведь я народом был и многих побеждал,
И царства разрушал, и многих подчинял:
Народом прежде был – а кто же я теперь?
Был у меня каган – а где он, мой каган?
Кому я отдаю все силы, все труды?»

Тюрки поднимают бунт, безжалостно затем подавленный поработителями. И тогда они принимают единственно верное в их понимании решение. Автор вновь обращается к прямой речи, которая служит средством отображения эмоционального накала ситуации и средством эмоционального воздействия. Принимая роковое решение, народ обосновывает его таким образом:

«...Я больше не могу
Так много сил, трудов да и своих детей
Табгачам отдавать – и надо мне себя
Искоренить, избыть, свести с лица земли...» –
Сказавши так, народ стал гибели искать.

Как видим, автор здесь верен своей позиции, избранной и декларированной еще в малой надписи. Он последовательно и неуклонно, порой исподволь, не прибегая к открытому тексту, внедряет в сознание и ум соотечественников главную идею: не разрушать всенародное единство, не предаваться посулам и соблазнам чужого мира, в противном случае тюрков ждет неминуемый конец!

Весьма выразительно и колоритно рисует автор драматическую картину нарастания рокового момента, поиска отчаявшимися тюрками пути к собственной гибели, в повествование в этот миг вклинивается мифологический элемент. Боги – Тенгри и священная мать-Земля – вмешиваются в судьбу тюрков. Тон, которым говорят боги, императивен:

Но сверху Небеса, а снизу Мать-Земля
сказали тюркам: «Вы не смейте погибать!
Да не исчезнет род – да будет жив народ!» –
Так Небо и Земля их обязали быть...

Божественное предопределение, таким образом, предваряет третий раздел надписи, рассказывающий о деяниях Ильтериш-кагана во имя восстановления погранного Отечества. Настоящее имя кагана, отца Могиляна (Бильге-кагана) и Кюль-тегина – Кутлуг, но по сложившейся в ту эпоху традиции человек, возведенный на трон, принимает новое имя. Имя Кутлуга – Ильтериш – имело глубоко символический смысл: «Ильтериш» буквально означает «собирать (териш) народы, государства (иль, ел)».

Кутлуг был наречен точным, соответствующим его миссии именем, осененным к тому же благодатью Тенгри. По воле неба, Тенгри Ильтериш поднимает народное восстание, собирает под свое начало разобщенных «голубых тюрков», одерживает победу над табгачами, возрождает каганат.

Так, образ кагана в этом разделе претерпевает трансформацию: каган обретает свой высокий статус, предопределенный, согласно древней ментальности, Богом, и качества, возвышающие его над народом, которые были утрачены его предшественниками. Описывая этот судьбоносный этап в истории тюрков, автор подчеркивает прогрессивную роль деятельности кагана по воссозданию государства:

И стало их семьсот – отважнейших мужей.
Тогда-то мой отец стал возрождать народ:
Утративших закон – к законам приобщал,
Привыкших в рабстве жить – от рабства избавлял.
Пересоздал людей отец мой: дал им цель;
И доблесть в них развил, и предков им внушил
Любить и почитать, и государство дал,
И беков обучил родами управлять...

Возродить, основать государство во главе народа, испытавшего рабскую участь, естественно, дело нелегкое. За полвека было забыто многое: завещанные предками устои, традиции, этические критерии, умение жить по законам свободного общества... Но у Ильтериш-кагана были единомышленники (в их числе – выдающийся советник Тоньюк), вместе с ними ему пришлось проделать огромную работу по перевоспитанию, обновлению нравственного облика своего народа. Личным своим примером он стимулировал скрытый в недрах народа героический потенциал: как воин, блестящий полководец, возглавляя армию, он ходил сорок семь раз в военные походы, «в двадцати сражениях поверг врагов своих», возродив тем самым в сердцах тюрков веру в себя, «честь и жажду жить». Утвердив в глазах других народов свою

государственность, он принялся за мирное строительство: обогатил народ, как законодатель, наделил его «законом» – вне принятия свода законов, регулирующих правовые отношения, невозможно создать цивилизованное общество, управлять им – Ильтериш-каган, как и другие тюркские государственные деятели, ясно осознал это. Показал он себя и в ипостаси духовного наставника: искоренив рабскую психологию, выработанную в народе за полвека китайского гнета, он положил начало процветанию свободного, полноценного общества с особым нравственным микроклиматом: народ вновь научился чтить память предков, такие ценности, как честь, свобода, доблесть, человеческое достоинство. Отвага и мудрость органично сочетались в Ильтериш-кагане, он был ярким пассионарием – последователем и носителем тюркских идеалов, восходивших ко временам первого Тюркского каганата.

Достойным наследником Ильтериш-кагана рисует автор и его брата Капагана (Мочжо), главного персонажа четвертого раздела надписи, вступившего на престол после смерти Ильтериша. И Капаган-каган придерживался в годы своего правления основополагающего для идеальных тюркских каганов принципа: «возвысить тюрков, укрепить мужаящий народ», «богатство дать, из малых тюрков в великие возвести...» При нем отличительным признаком в жизни тюрков стал фактор благоденствия, тюрки вззошли к зениту славы, и вместе с ними к зениту славы взошел второй Тюркский каганат:

Свободным стал, кто был рабом: стал обладать
Рабами сам, и так упрочился народ,
И расплодился так, что сыновья – отцов
И брата – младший брат не ведали порой...

Однако благоденствие не всегда идет впрок человеку: следствием сытого образа жизни для тюрков явились раздоры, смута, усиленные «ужесточением закона» Капаган-каганом. Это обстоятельство автор воспринимает как сигнал, знак нового грядущего бедствия. Им вновь овладевают мучительные раздумья, он снова обращается к народу с речью, пронизанной каскадом риторических вопросов и восклицаний, интонационной экспрессией. Но из уст его звучит не назидательное слово, отнюдь нет, теперь это речь обвинения. Точка зрения автора здесь кардинально меняется, она противоположна той, когда корень зла он видел в действиях «слабых и бездумных» каганов. Обвинительная речь автора сурова, беспощадна. Вспоминая прошедшие испытания, разворачивая черные для тюрков дни и тяготы дня настоящего, он винит теперь в этом не каганов, а народ, ради которого каганы шли порой на самопожертвование. Глубоко в душу проникает голос автора:

Так слушай же меня, о тюркский мой народ!
Ни небо, ни земля ни разверзались, мор
И глад не били нас: так почему и кто –
О тюркский мой народ! – ответь, зачем и кто
Закон и власть твои к погибели подвел?
Ты сам, ты сам народ, перед своей землей,
Перед каганом, что хотел тебе служить,
Перед самим собой – ты сам и согрешил:
Ты выбрал для себя, как смертный жребий, Зло.

После предательского убийства огузами Капаган-кагана на историческую авансцену выходит сам Бильге-каган, от имени которого автор ведет повествование. Центром притяжения пятого раздела надписи становится Бильге-каган, некогда называвшийся Могилянном. Без обиняков Могилян называет себя «бильге» – мудрым, знающим, умным и, очевидно, это соответствовало

действительности. Власть Бильге-кагану была дана свыше – это неременное условие достижения высшего сана:

И сверху Небеса, а снизу Мать-Земля,
Что прежде вознесли отца и мать моих,
Сказали тюркам вновь: «Пусть имя не умрет,
Коль слава не пройдет – да будет жив народ!»
Сказавши тюркам так, Земля и Небо вновь
Простерли власть на мир, а милость на меня:
Стал государством я владеть и управлять,
И стал отныне я для всех – Бильге-каган.

Основное кредо Бильге-кагана – творить Добро. Конечно, оно несколько специфично, древнее понимание сотворения Добра, но для той эпохи оно было органично и в сущности отвечало истине:

Был волею Небес удачлив я в боях
И милостью Небес я тюрков возродил –
Готовых погибать я к жизни возвратил.
Нагого я одел, дал пешему коня,
Богатством наградил бывшего бедняка
Умножил свой народ – с ним в племенной союз
Сплотил соседей всех: так я творил Добро...

Образ кагана достигает в этом разделе вершинной формы воплощения, чему способствует и пронизывающее его полнозвучное «я» героя, которое претворено в делах, в осязаемых результатах, и потому Бильге вправе констатировать: как каган я «ради тюркского народа не спал ночей и днем не сидел без дела», я «завоевывал, умирая и погибая», «приобретая присоединившиеся народы, не делал огнем и водой», т. е. не уничтожал. В итоге: я «поднял к жизни готовый погибнуть народ», я «нагой народ – одетым, неимущий (бедный) народ сделал богатым», я «малочисленный народ сделал многочисленным». Здесь нет переоценки героем значения собственной деятельности, в тот век, исполненный жестоких войн, нещадной борьбы за выживание, когда отсутствовала стабильность и жизнь могла круто перемениться, обнажив свой беспощадный лик, могла ли по-другому называться эта деятельность, иначе чем – «сотворение Добра». Поистине Бильге-каган творил добро и, надо отдать ему должное, он признает, что делал это не один, а в союзе со своим младшим братом Кюль-тегином, вдохновителем всех героических начинаний. Бильге-каган справедлив и объективен, когда произносит:

Не на богатство сел, не царство принял я –
Ничтожный и плохой достался мне народ:
Голодный изнутри, снаружи голым был...
Помог мне младший брат – могучий Кюль-тегин.

В конце раздела Бильге-каган стремится переакцентировать внимание на личность Кюль-тегина, усилить оценку его роли в деле воссоздания тюркского каганата, ибо именно он, «отважный Кюль-тегин» – верховный главнокомандующий, помог брату, собрав государство, земли, обрести «невиданную власть», сам же, «не насладившись ею», погиб в сорок семь лет на поле брани. С уходом Кюль-тегина уходит все то ценное и святое, чем жили и вдохновлялись

великие братья: один по духу скорее созерцатель, другой, Кюль-тегин, – созидатель. На плечах Кюль-тегина держалась власть и основа государства, непререкаемый авторитет Кюль-тегина сплачивал вокруг него единомышленников, цементировал народы в нерушимый монолит. Поэтому уход Кюль-тегина чреват, прежде всего, тем, что может спровоцировать гибель, распад государства. Эта мысль не дает покоя кагану, она так важна и значительна для него, что и в бездне скорби он не в силах забыть о ней. В состоянии глубокого смятения духа предчувствует он беду, перемены к худшему:

И думал я, скорбя: «Родня и сыновья,
Разноплеменной мой народ, теперь, когда
Ушел мой Кюль-тегин, то все, кто покорен,
Восстанут...» – и опять всем сердцем я скорбел.

Идея консолидации тюркских народов, сохранения земель, защиты их от посягательств чуждых народов проникает и в структуру плача-жоктау. Как глава государства, незаурядный политический деятель, Бильге-каган и в минуты величайшей скорби не мог не думать о самом главном и насущном в его жизни – о настоящем и будущем своего народа и страны. Предчувствия не обманули Бильге-кагана: он не надолго пережил своего брата, через два года он был отравлен врагами. И воссозданная им, его братом Кюль-тегином и советником Тоньюкуком государственность – «триумф триумvirата!» – была уничтожена.

Литература

1. Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. – Алма-Ата, 1992.
2. Жумаганбетов Т. С. Проблемы формирования и развития древнетюркской системы государственности и права. VI–XII вв.: Монография. – Алматы, 2003. – 432 с.
3. Большая надпись в честь Кюль-тегина. Пер. А. Преловского // Звезда Востока. – 1991. – № 6. – с. 108–118.

XXI ғасырдағы қылмыстық құқық саясатының өзекті мәселелері: адам саудасымен күрестің алдын алу

Мәлікова А. Ш.

Аңдатпа

Ғылыми мақалада, қылмыстық құқық саясатының өзекті мәселесі ретінде адам саудасының криминологиялық аспектілері және бұл қылмыстың алдын алу жолдары қарастырылған.

Аннотация

В научной статье, как актуальная тема уголовно-правовой политики, рассмотрены криминологические аспекты торговли людьми и ее предупреждение.

Abstract

The scholarship paper highlights the spotlight issue of criminal-legal policy, considers criminological aspects of human trafficking and its prevention.

2002 жылы қабылданған Қазақстан Республикасының Құқықтық саясат тұжырымдамасы елдің 2010 жылға дейінгі кезеңге арналған құқықтық жүйесі дамуының негізгі бағыттарын айқындайды. Тұжырымдаманың маңыздылығы да сонда, ол бір жағынан құқықтық құжат болса,